

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

Чингиз Абдуллаев

По дороге в больницу он вспомнил продолжение предсказания цыганки. Она сказала, что если он не погибнет в этой аварии, усевшись на другое место, то проживет еще два дня, после чего его убьют. Давид Георгиевич нахмурился. Получается, что предсказание цыганки сбылось уже во второй раз. И нет никаких гарантий, что оно не сбудется и в третий. А это значит, что у него в запасе осталось только два дня.

Тождественность
любви
и ненависти

ЭКСМО

Чингиз Акифович Абдуллаев
Тождественность
любви и ненависти
Серия «Дронго», книга 67

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177691

Чингиз Абдуллаев. Тождественность любви и ненависти: Эксмо;

Москва; 2007

ISBN 978-5-699-23080-8

Аннотация

Что чувствует человек, который уверовал в предсказание цыганки, что ему осталось жить всего два дня? А если он еще и могущественный миллионер, привыкший попираť пятой мир? Давида Чхеидзе захлестывает череда мистических совпадений, мучительных воспоминаний и любовных интриг. Оставшиеся часы потрясенный предприниматель всеми силами пытается уйти от судьбы. Под подозрение попадает все ближайшее окружение Чхеидзе, включая его личную охрану и неожиданно объявившуюся дочь, о существовании которой он прежде даже не догадывался. Известный частный детектив Дронго берется помочь бизнесмену выйти на след киллеров. Но не является ли круговерть событий, вырвавшая Чхеидзе из привычной жизни, игрой его воспаленного воображения?

Содержание

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	7
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. ВОСПОМИНАНИЯ	11
ДЕНЬ ТРЕТИЙ. РЕАЛЬНОСТЬ	30
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. ВОСПОМИНАНИЯ	42
ДЕНЬ ТРЕТИЙ. РЕАЛЬНОСТЬ	52
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. ВОСПОМИНАНИЯ	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Чингиз Абдуллаев

Тождественность любви и ненависти

Посвящаю всем моим женщинам, которых я любил и которые любили меня. Или притворялись, что они меня любят.

«Во всех моих книгах, буквально в каждой из них, живут женщины, как воспоминание обо мне прежнем. Они сохранились в них такими, какими я любил их, такими, какими они были, пока непонимание не разлучило нас.

На страницах моих книг они останутся волшебно прекрасными, навсегда покорившими меня тем совершенством и красотой, в которую я их облек, – младенчески чистые, непорочные и познавшие чувственную любовь. В моих книгах все они принадлежат только мне одному, которого могли бы одарить, но так и не одарили истинной любовью.

Их столько, что я даже не знаю, не являются ли они все чистейшим вымыслом, иллюзией, которой я стараюсь заменить то, в чем жизнь мне часто отказывала. Я всех их выдумал, сам создал их силой воображения из той непостоянной материи, каковой является человек, в поисках той единственной, которую мне так и не удалось найти, и сделал их совсем не такими, какими они, вероятно, были. Тем лучше.

Неудача – признак слабости, но, я повторяю, тем лучше, потому что она, истинная, единственная, и не должна была появляться на страницах раскаяния моих книг.

И как чудесно возвратиться к ним, снова погрузиться в свои прекрасные видения и обладать ими, детски просто-душными, доверчивыми, чистыми, воскресив в себе юношескую нежность, волнение, безумную жажду любви и обожания, и я затворяюсь в этой пустыне интимнейших стремлений своей души, где никогда не бывает эха, но постоянно живут смятение и обыденность давно минувших ночей.

Сотворенные из легенд, все они и поныне живут во мне, но ни одна из них в сумраке ночи не видится мне отчетливо и ясно. Имена не важны... Да и зачем они?

По ним всем и по каждой в отдельности эта застарелая мужская тоска, превратившаяся в одержимую мечту о новой женщине, которую и разум отвергает, и глаза не воспринимают, и руки отталкивают, а она, несмотря ни на что, все ночи напролет ласково гладит мою голову, и голова моя кружится от мучительного восторга... Просыпаюсь – но ее уже нет со мной. Знаю, что мне ее никогда не найти, найти ее невозможно, разве что на страницах еще не написанной мною книги, на которых и появится эта восхитительная женщина, но ей я никогда не смогу громко сказать:

– Здравствуй, моя любовь!

А днем они уже не рождаются – все заметнее увядают в причудливой игре света. И я, опьяненный мечтой, нахожу

любовь лишь на страницах моих романов, которые уже не принадлежат мне.

В них остается моя жизнь и тоска, мечты о завтрашнем дне и неудачи, друзья и враги, честность и угрызения совести, стремление к звездам и грубая реальность, ранившая как кинжал, меня и женщин, которых я любил».

Антонио Алвес Редол.

«Страницы завещания»

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Он будет помнить об этом странном деле всю свою жизнь. Дронго провел немало расследований, но подобное расследование запомнилось ему более всех остальных. Может, потому, что оно было столь необычным и почти невозможным. А может, потому, что оно отчасти относилось и к самому Дронго. Он старался не думать именно об этом деле, но оно неизменно напоминало о себе, вторгаясь в его сны. Иногда ему казалось, что он просто путает происшедшие события со своими снами и все, о чем он помнил, ему всего лишь приснилось. А иногда он вспоминал в подробностях это загадочное дело и в очередной раз удивлялся человеческой природе. И отчасти самому себе.

Все началось еще за несколько месяцев до этих событий в Москве, когда он прилетел в Цюрих, где договорился встретиться с Джил. Этим вечером они ужинали в «Долдер Гранд отеле», где она заказала для них двухместный номер. В этом отеле находился ресторан средиземноморской кухни «Ротонда», который по праву считался одним из самых лучших ресторанов не только в Швейцарии, но и вообще в Европе.

Дронго не любил сидеть в центре, предпочитая столики в углу, откуда удобно было следить за залом и оставаться незамеченным. Им принесли бутылку красного итальянского вина «Баролло», которое он так любил, когда в зале ре-

сторана появились несколько неизвестных мужчин и красивых молодых женщин. Двое высоких мужчин громко говорили по-русски. Их спутник, доходивший им до плеча, очевидно, не знал русского, так как общался с ними только на английском. Незнакомцев посадили за лучший столик у окна, откуда открывался удивительный вид на Альпы. Дронго невольно взглянул в их сторону.

Среди новых посетителей выделялся высокий мужчина, чем-то неуловимо похожий на самого Дронго. Такого же высокого роста, начинающий лысеть, с уже пробивающейся сединой на висках, внимательным взглядом наблюдательного человека. Широкие плечи, крупные черты лица, тонкие губы, щеточка усов. Незнакомец взглянул в сторону Дронго. И уселся за столик, продолжая разговаривать со своими спутниками. Среди троих женщин которые появились вместе с ним в ресторане, была и очень известная молодая итальянская актриса, о которой уже неоднократно писали все итальянские газеты, обсуждая её скандальный разрыв с одним из владельцев автомобильного концерна «Фиат», с которым, владельцем, она часто появлялась на людях в последние месяцы. Джил, поймав взгляд Дронго, усмехнулась.

– Все считают, что она самая красивая женщина в Италии. Новый секс-символ, после Софии Лорен и Моники Беллучи, – улыбнулась Джил, – тебе она нравится?

– Очень красивая женщина, – кивнул Дронго, – но мне больше нравишься ты.

– Приятная ложь только усугубляет твою вину, – погрозила пальцем Джил, – но она очень неплохо сыграла в последнем голливудском фильме. Возможно, у нее блестящее будущее.

– Ты не знаешь, кто ее спутники? – поинтересовался Дронго, – кажется, я видел некоторых из них на фотографиях в газетах.

– Конечно, видел, – согласилась Джил, – сидящий слева от нее известный американский режиссер. Если я не ошибаюсь, он недавно взял два «Оскара». Или три, я точно не помню.

– Нет. Его я знаю. А кто сидит рядом?

– Про него тоже писали в газетах. По-моему, это какой-то известный русский мультимиллионер. У него грузинская фамилия.

– Ты могла бы знать разницу между русским и грузином, – заметил Дронго, – когда так говорят другие иностранцы, это их извиняет, но ты обязана знать, что в бывшем Советском Союзе жили люди больше ста народностей и национальностей...

– Поэтому я и говорю. Он грузинский миллионер, который приехал из России. Или российский миллионер с грузинской фамилией. Ты ведь сам мне объяснял, что среди российских олигархов есть не только русские, но и евреи, грузины, азербайджанцы. А того, кто сидит рядом с ним, я не знаю.

– Зато я знаю, – сказал Дронго, – они громко говорили

на русском и поэтому я его вспомнил. Рядом с этим грузином сидит известный российский банкир, который сделал себе состояние в девяностые годы, а затем после дефолта сбежал из страны. В общем интересная компания. Но я обещаю больше не смотреть в сторону самой красивой актрисы Италии, и буду разговаривать только с тобой.

– Ты уже два раза взглянул в ее сторону, – заметила Джил, – хотя признаюсь, что она действительно очень красивая женщина.

– Больше не буду, – буркнул он, прилагая определенные усилия, чтобы не смотреть в сторону этой экзотической компании.

Он запомнил эту необычную встречу и даже постарался узнать фамилию человека, на которого он обратил внимание. Но с тех пор прошло шесть месяцев. И однажды вечером у него дома раздался телефонный звонок и неизвестный женский голос, знакомый ему прежде и не узнанный теперь, вдруг напомнил ему о прошлом, чтобы познакомить с этим человеком и втянуть его в самую невероятную историю, которая только могла с ним случиться.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. ВОСПОМИНАНИЯ

Нужно было приехать в Москву, чтобы спустя столько лет почувствовать ностальгию по ушедшей молодости, по давно минувшим временам. Он вдруг с нарастающим раздражением и сомнением вспомнил, что не был в этом городе больше десяти лет. Одиннадцать? Двенадцать. Правильно. Он не был в этом городе, где прошла его молодость, двенадцать лет и в последний раз уезжал отсюда осенью девяносто пятого. Тогда все было совсем иначе. Другая страна, другие люди, другие реалии.

Давид Георгиевич Чхеидзе, сорокапятилетний бизнесмен, проживающий под Цюрихом, прилетел на переговоры в Москву дневным рейсом из Швейцарии. В аэропорту его встречали представители компании, с которой он должен был провести свои переговоры. Его личный секретарь Лиана Каравайджева и телохранитель Гюнтер Вебер прилетели вместе с ним. И хотя у телохранителя не было оружия, в его присутствии Давид Георгиевич чувствовал себя спокойно и уверенно. Его секретарь заранее оговорила условия приема, подчеркнув, что в обязанности принимающей стороны входит обязанность выставить четырех вооруженных охранников и два «джипа» с бронированными тонированными стек-

лами для сопровождения гостя.

Его встречал вице-президент одной из самых крупных российских компаний, работавших в сфере строительного бизнеса, Альберт Аркадьевич Самойлов, с которым они были знакомы уже несколько лет. Это был крупный, полноватый мужчина с несколько одутловатым лицом и вьющимися каштановыми волосами. Он был одним из тех мужчин, на которых любой, даже самой дорогой костюм сидит безобразно. У него была мешковатая фигура и поэтому он больше был похож на неряшливо одетого мелкого лавочника, чем на миллионера и вице-президента солидной компании.

Чхеидзе уселся в первый «джип», где кроме водителя разместились его собственный телохранитель и Самойлов. Во втором «джипе» сидели трое других охранников и его секретарь, которая устроилась на переднем сиденье, вызвав явное недовольство у остальных сопровождавших.

Два больших «джипа» понеслись по Ленинградскому проспекту, направляясь к центру города. Чхеидзе с удивлением разглядывал прежде знакомые места. Все было так и все было немного по-другому. Размер жилищного строительства в Москве превосходил всякое воображение. Он в который раз подумал, что выбрал нужных партнеров, решив вложить часть своих средств в строительную индустрию московской компании.

Двенадцать лет назад Давид Чхеидзе уехал из этого города, когда криминальные разборки в городе достигли своего

рика. Он получил извещение о готовящемся на него покушении. И потом произошло само покушение. Возможно, это была лишь уловка конкурентов, которые хотели таким образом убрать из города своего соперника. Возможно, это была действительная угроза, с которой ему нужно было считаться. К этому времени в Москве, да и по всей России, отстрел бизнесменов принял массовый характер. Стреляли и убивали прямо на улицах городов. Убивали бизнесменов, банкиров, криминальных авторитетов, — шла беспощадная война на выживание. Первого марта убили одного из самых популярных телеведущих, который только пытался отрегулировать потоки рекламных денег, нараставшие с каждым днем. Сам президент страны публично дал слово найти убийц. Но никого не нашли, хотя подозреваемый в организации убийства бизнесмен был очевиден для всех.

По непонятной логике судьбы Давид Чхеидзе благодаря этим криминальным разборкам стал очень богатым человеком. После того, как убили руководителя их компании Петросяна, он стал президентом вместо него и, выплатив вдове убитого два миллиона долларов, присоединил к своим акциям акции своего бывшего руководителя, которые уже на тот момент стоили более двадцати миллионов долларов. И тем не менее вдова и двое детей покойного были признательны Чхеидзе за его помощь. Они тогда распродали все имущество и переехали в Америку. Чхеидзе уже к началу девяносто пятого года «стоил» около сорока миллионов долла-

ров. К тому же он оказался владельцем большого земельного участка на северо-западе столицы. Но в девяносто пятом на него одновременно начали «наезжать» и криминальные авторитеты, недовольные тем, что его структуры работают без их поддержки, и сотрудники правоохранительных органов, которые во многом также «крышевали» бизнесменов и требовали своей полагающейся доли прибыли для обеспечения безопасности бизнеса, и даже государственные чиновники, недовольные появлением в строительном бизнесе города подобного конкурента. Чхеидзе был достаточно умным человеком. И очень молодым. В девяносто пятом ему только исполнилось тридцать три года. Когда в его офисе взорвали бомбу и он не пострадал лишь по счастливой случайности, Давид понял, что оставаться в Москве становится не просто опасно, но и бессмысленно. Он нашел неплохого покупателя и продал ему свой бизнес, прибавив к своим сорока еще и тридцать миллионов долларов. Землю он решил попридержать. Она тогда стоила не очень дорого. И на ней находились пустующие помещения бывшего НИИ, в котором он когда-то работал. Чхеидзе даже не мог предположить, сколько будет стоить московская земля через десять лет.

Он уехал в Германию, а оттуда перебрался в Италию. Полученные миллионы он использовал с умом, сумев вложить их в акции строительных компаний Швейцарии и Италии, где в это время как раз начинался очередной строительный бум. Одним из его компаньонов оказался итальянский маг-

нат Берлускони, когда-то начинавший зарабатывать в качестве итальянского барда перед богатыми клиентами. Вершиной авантюрной политики Берлускони стала покупка почти за бесценок огромного участка земли в Милане рядом с аэропортом. Земля стоила так дешево, именно из-за находящегося рядом аэропорта. Отсюда поднимались все самолеты, вылетающие из города. Шум и выхлопные газы делали этот участок земли почти бесхозным. Берлускони купил эту землю и сумел договориться с руководством аэропорта, чтобы они изменили направление своих взлетно-посадочных полос, перенося взлет и посадку самолетов в противоположную сторону. В результате стоимость участков земли подорожала сразу в двадцать, тридцать, а то и в пятьдесят раз. Берлускони сорвал очередной куш, заработав на этой спекулятивной сделке, а Чхеидзе получил еще несколько десятков миллионов долларов.

Через несколько лет состояние грузинско-российского миллионера оценивалось уже в двести пятьдесят миллионов долларов. К тому времени ему поступило предложение о продаже земли, которую оценивали в баснословную сумму в пятьдесят миллионов долларов. На переговоры прилетел Самойлов. Оформление покупки завершили в прошлом году и Чхеидзе стал богаче еще на пятьдесят миллионов. Все эти годы он жил в своем швейцарском замке, под Цюрихом или в Лос-Анджелесе, где он купил небольшой дом. Через знакомых режиссеров и актеров, переехавших на Запад, он

познакомился с известными продюсерами, вложил деньги в производство нескольких голливудских картин и завел очень приятные знакомства с некоторыми топ-моделями и актрисами. Среди фильмов, в которые он вложил свои деньги, три просто оказались убыточными, принося минус в шестьдесят миллионов долларов, зато четвертая картина не только окупилась все предыдущие, но и принесла прибыль. Одним словом, Давид Георгиевич Чхеидзе был относительно молодым, очень богатым, симпатичным мужчиной без комплексов, холостым, считавшимся завидным женихом, известным бизнесменом, имевшим репутацию «счастливчика» сумевшего правильно устроиться в жизни. В сорок пять лет он решил прилететь в Москву после двенадцатилетнего перерыва и вложить часть своих денег в расширяющийся строительный бизнес.

К этому времени Чхеидзе уже имел гражданство Германии и два вида на жительство – в Швейцарии и в США. К тому же он прекрасно владел не только грузинским и русским, но и сумел выучить немецкий и английский языки. Он еще раз посмотрел на новые здания, видневшиеся по пути следования, и усмехнулся.

– Москва сильно изменилась, – сказал он Самойлову.

– Вы даже не можете себе представить, как сильно, – возторженно воскликнул Альберт Аркадьевич, – завтра поедем осматривать город, и вы его не узнаете. Сколько лет вы не были в Москве? Пять или шесть?

– Двенадцать.

– Тогда тем более не узнаете, – заявил Самойлов, – ни в одной крупной столице мира не произошло столько изменений за последние двенадцать лет, как в Москве. Даже в Пекине все немного иначе.

– Не знаю, – вежливо ответил Давид Георгиевич, – я в Китае не был. Но судя по всему, вы правы.

– Вы все сами увидите, – кивнул Самойлов, – вы ведь жили в Москве? Вы здесь родились?

– Нет. Я родился в Тбилиси. А сюда приехал в семьдесят девятом, когда поступал в институт. Вернее, поступал я в Грузию, тогда республикам давали специальные места для национальных кадров. И на такое место в МВТУ я и поступил. У нас в Тбилиси все хотели поступать либо в МГУ, либо в МИМО. А мне больше нравились математика и физика. Я никогда не был гуманитарием. Все хотели быть либо юристами, либо дипломатами.

– И потом вы остались в Москве?

– Не совсем. По распределению я попал в Новосибирск и там работал несколько лет, до семьдесят восьмого. А потом снова вернулся в Москву, как раз в один научно-исследовательский институт. Тогда, в семьдесят восьмом, меня сразу избрали заместителем секретаря комитета комсомола и мы создали молодежное объединение. Нам тогда выделили пустующие помещения бесплатно. Мы продавали привезенные компьютеры. Я вам никогда об этом не рассказывал.

Сейчас об этом даже смешно вспоминать...

– Почему смешно? – возразил Самойлов. – Самый богатый российский миллиардер Абрамович начинал в это время с продажи резиновых игрушек. И где он сейчас?

– Значит мне повезло меньше, – улыбнулся Чхеидзе, – потом был общий развал и общий бардак. Институт закрыли, наш старый директор получил инфаркт, не выдержав прелестей «перестройки», а мы на правах кооператива, существовавшего в самом институте, приватизировали сначала свое здание, а затем и все остальные помещения института. В девяносто втором институт приказал долго жить. Его просто закрыли. И мы с моим другом Саркисом Петросяном, который был заместителем директора по хозяйственной части, приватизировали здание института и его землю. Между прочим, мы выплатили тогда всем сотрудникам института, даже вахтерам, их зарплату за два года вперед. Я думаю, так поступали не все. Вернее, так никто не поступал.

– Эта та самая земля, которую мы потом у вас купили? – понял Самойлов.

– Да. Я ее не стал продавать, когда уезжал отсюда в девяносто пятом. Решил немного подождать. Она тогда практически ничего не стоила.

– Очень верное решение. Вы тогда были единственным владельцем?

– Сначала мы приватизировали здания и получили землю вместе с Петросяном.

– И ваш друг с вами согласился?

– Его к этому времени убили. Я выплатил его жене и дочерям очень большую сумму в долларах, и они уехали в Америку, переписав на меня все акции компании и нашу землю, – Давид Георгиевич предусмотрительно не сказал, что заплатил только два миллиона, тогда как акции стоили двадцать, а саму землю впоследствии он продал за пятьдесят. Но это были «мелочи», на которые не стоило обращать внимание своего собеседника.

– Вы поступили очень благородно, – кивнул Самойлов, – в девяностые годы у нас был полный беспредел. Когда я вспоминаю те годы, то просто удивляюсь, что остался жив. Тогда никто не знал, сумеет ли он вечером вернуться домой. Сейчас много очень богатых людей в Москве, но все они очень рисковали в те годы, очень сильно рисковали, – повторил Альберт Аркадьевич.

– Поэтому я и уехал, – кивнул Чхеидзе, – решил, что жизнь дороже денег. Может, сейчас был бы миллиардером, как Абрамович, или лежал где-нибудь в земле, как многие из моих знакомых, или как мой друг Петросян.

– Правильно, – согласился Самойлов, – жизнь не купишь ни за какие деньги. Мне говорили, что у вас были тогда неприятности?

– Это еще мягко сказано, – заметил Давид Георгиевич, – если считать «неприятностями» бомбу, которую взорвали у меня в офисе. К счастью, никто не пострадал. И я мог только

догадываться, что именно хотели сделать эти подонки. Либо убить меня, либо напугать, либо выжить отсюда, либо отнять мой бизнес. Но в любом случае оставаться было опасно. И я уехал. Можно считать меня таким «разумным трусом», но я считаю, что любая опасность требует адекватного к себе отношения.

– Сейчас совсем другие времена, – улыбнулся Самойлов, – у нас уже порядок и никого не убивают на улицах. Или почти не убивают. Прошло столько лет и новый президент сумел навести порядок и в городе, и в стране. Никто на бизнесменов уже не наезжает – ни бандиты, у которых теперь свой легальный бизнес, ни сотрудники милиции или ФСБ, у которых тоже свой бизнес. Все распределено. Теперь самая большая опасность – появление в вашем офисе налоговых инспекторов, которых боятся больше бандитов. Наши олигархи и бизнесмены уже привыкли не бояться криминальных авторитетов, которые за девяностые годы просто истребили друг друга. Зато все боятся государства. Если ваш бизнес не нравится государству, то вам лучше его свернуть и сразу уехать. А если вы не раздражаете государство своими политическими амбициями и ненужными выпадами, то можете жить и работать, ничего не опасаясь. Хотя нужно еще платить налоги и отчислять часть денег на необходимую благотворительность. Но так поставлена работа и на Западе.

– Похоже у вас произошли революционные изменения, – весело сказал Чхеидзе.

– Еще какие. Вы давно не были в Новосибирске? Сейчас изменения идут по всей стране.

– Давно. Больше двадцати лет.

– Тогда вам нужно совершить и туда экскурсию. Я недавно там был. Хотя таких изменений, как в нашем городе, вы уже нигде не увидите.

– Я думаю. Мне говорили, что в центре столицы снесли отель «Москва»? Как жалко, я помню, какое это было монументальное здание. Туда невозможно было попасть, всегда стояли строгие швейцары. Но самые строгие правила были в отеле «Россия». Я все время говорю по западной привычке отель, а не гостиница. «Россия» осталась? Или ее уже успели снести?

– Снесли, – радостно кивнул Самойлов, – из-за нее такой скандал получился. Сначала тендер выиграл Шалва Чигиринский, вы о нем, наверно, слышали. А потом, когда гостиницу снесли, выяснилось, что суд отменил итоги тендера. Теперь в московской мэрии не знают, как им быть. С одной стороны он столько денег потратил и столько уже вложил, а с другой – есть решение суда.

– Похоже, что у вас строительный бизнес по-прежнему считается зоной большого риска? – поинтересовался Чхеидзе. Он знал эту нашушевшую историю из швейцарских газет.

Самойлов испугался. Он подумал, что напрасно вспомнил об этом решении суда. Такой инвестор, как Чхеидзе, появляется не каждый день. И вдобавок он был почти своим, пони-

мающим местные трудности и готовый инвестировать в их строительный бизнес несколько десятков миллионов долларов.

– Я думаю, что решение суда еще могут отменить. У нас в городе никто не спорит с московской мэрией, – осторожно добавил Альберт Аркадьевич, – а насчет гостиниц все понятно. »Интурист« тоже давно снесли, а на его месте сейчас новый пятизвездочный отель построили. И «Минск» скоро снесут. В общем все старые гостиницы заменяют на новые. Но вы все сами увидите. Мы заказали вам номер в «Национале», он как раз напротив бывшей «Москвы».

– Это я помню, – улыбнулся Давид Георгиевич, – рядом было здание Госплана, которое потом передали Государственной думе. Я ничего не путаю?

– Нет. Все правильно.

– И еще в переходе всегда были старые цыганки, которым я всегда давал деньги. Одна такая пожилая женщина, кажется, ее звали Виолеттой, она мне тогда нагадала. Честное слово, не поверите... Она мне нагадала, что я уеду из города и не буду здесь ровно двенадцать лет. Да, она мне так и сказала. Двенадцать лет, – растерянно произнес Чхеидзе. Он совсем забыл об этом случае и только сейчас вспомнил. Двенадцать лет. Какое интересное совпадение.

– Сейчас там тоже бывают цыганки, – сообщил Самойлов.

– Как интересно. Нужно будет спуститься, чтобы их увидеть. Когда у нас должны начаться переговоры? – поинте-

ресовался Чхеидзе.

– Через два часа, – сообщил Самойлов, – у вас будет время отдохнуть и переодеться, если вы захотите. Рядом с вашим люксом два заказанных номера для вашего секретаря и телохранителя. Если они будут жить отдельно от вас.

Самойлов видел Лиану, которая выглядела как топ-модель, готовая выиграть любой конкурс. Высокого роста, с удивительно красивыми голубыми глазами, всегда тщательно уложенными волосами, одетая в неизменно элегантные костюмы от Балансиаги, она вызывала восхищение у всех, кто с ней общался. Чхеидзе это знал и поэтому возил ее с собой по всему миру, оставляя в своем швейцарском офисе другого секретаря. Оставшейся в Цюрихе Магде было пятьдесят четыре. Она была педантична, как все немцы, аккуратна, пунктуальна и исключительно добросовестна. Но не обладала ни внешностью, ни такой грудью, как у Лианы, и поэтому всегда оставалась дома.

– Они будут жить в своих номерах, – ответил Чхеидзе, – а можно мне, перед тем как мы поселимся в отеле, спуститься вниз, в тот самый переход. Мне будет просто интересно посмотреть. Потом у меня не будет времени.

– Конечно можно. Там сейчас из перехода можно пройти в большой комплекс под Манежной площадью. Несколько этажей. Магазины, рестораны, кафе. Если вам интересно...

– Это мне неинтересно, – возразил Давид Георгиевич, – я хочу только посмотреть, как там, в этом переходе. Может,

встречу свою старую знакомую, которую не видел целых двенадцать лет. Она мне тогда так точно нагадала. Целых двенадцать лет. Мне казалось, что это вся жизнь. А все эти годы так быстро пролетели.

– Мы скоро будем на месте, – сообщил Самойлов, – вы видите, какие автомобильные пробки в городе. Нам еще повезло, что вы прилетели днем. Если бы вы прилетели вечером, то вы бы увидели, какие заторы у нас на Ленинградском проспекте при выезде из центра города. Иногда автомобили стоят по нескольку часов.

– В Швейцарии такого не бывает, – кивнул Чхеидзе. Он взглянул на затылок своего телохранителя. Вебер почти не понимал русского языка, зато знал немецкий, французский и итальянский. Одним словом, все языки, на которых говорили в Швейцарии. И немного понимал английский. Он был бывшим чемпионом Европы в полусреднем весе по боксу. Однажды ему пришлось применить свое мастерство, спасая хозяина от разъяренных футбольных английских болельщиков, которые приняли Чхеидзе за истинного немца, ведь он был одет в куртку с цветами национального флага Германии и болел за немецкую команду. Вебер тогда уложил тремя точными ударами трех нападавших и этим остановил других, дав возможность Давиду Георгиевичу сесть в свою машину. Одним словом, на него можно было положиться.

Оба автомобиля медленно ехали по Тверской. Они проехали площадь Маяковского, затем Пушкинскую площадь,

мелькнул бывший комплекс «Известий», памятник поэту. Они спускались вниз, ближе к Кремлю, где находилась гостиница «Националь». И наконец остановились у отеля. Лиана выпрыгнула с переднего сиденья второй машины и оказалась рядом с первой, еще до того, как остальные мужчины успели сориентироваться. Она была сообразительной и достаточно агрессивной женщиной. Телохранители посыпались из машин. Вебер вышел из салона автомобиля и открыл перед хозяином дверь.

– Спустимся вниз, в переход, – предложил Чхеидзе, – а ребята пусть занесут наши вещи в отель. Лиана, посмотри, чтобы там все было в порядке.

Она кивнула. Двое водителей начали доставать чемоданы. Самойлов, Вебер и еще двое охранников вместе с Чхеидзе начали спускаться в переход. Он подумал, что даже не знает, почему вдруг принял такое нелогичное решение. В переходах были привычные магазины и киоски. Он огляделся. Отсюда раньше был проход на станцию метро. Сейчас можно было пройти и к помещениям под Манежной площадью. Как странно, что здесь так много людей, подумал Давид Георгиевич. И вдруг увидел пожилую цыганку. На ней была большая широкая юбка, темная кофта, какая-то куртка непонятного цвета и цветастый платок невероятных размеров, который она набросила на голову, закрывая заодно и половину своей куртки. Покрашенные хной коричневые пряди волос выбивались из-под платка. От неожиданности он даже замер,

словно его толкнули. Телохранители остановились, стараясь отсечь от него движущийся поток людей. Вебер недоуменно оглянулся.

– Не может быть, – прошептал Чхеидзе, – спустя столько лет. Не может быть.

Он шагнул к цыганке, которая уже обратила на него внимание. Она видела, что его сопровождают сразу несколько человек, и сразу поняла, что этот неизвестный мужчина обладает властью и деньгами.

– Здравствуй, – сказал Давид Георгиевич, все еще не веря своим глазам, – как тебя зовут?

– Как назовешь, так и назовут, – улыбнулась цыганка, показывая свои желто-коричневые зубы, – что тебе нужно, дорогой? Что ты от меня хочешь?

– Как тебя зовут? – уже более нетерпеливо спросил Чхеидзе. – Виолеттой?

– Такое у меня имя, родимый. А ты откуда его знаешь? Мы с тобой разве раньше встречались? И зачем тебе мое имя?

– Виолетта, – задумчиво произнес Давид Георгиевич, – ты меня не помнишь?

– Нет, родной, не помню. Скажи, зачем пришел, и я, может быть, вспомню. Что тебе нужно?

– Можешь погадать мне, – предложил Чхеидзе. Он видел, как на них обращают внимание проходившие люди, некоторые даже останавливались. Другие замедляли шаг. Двое мощных телохранителей и Вебер отсекали любопытных, но

этим только привлекали внимание.

– Давай руку, – предложила цыганка, – что ты хочешь узнать?

– Что будет со мной в ближайшие двенадцать лет? – весело спросил Давид Георгиевич.

Она взяла его руку, посмотрела. Затем взглянула ему в глаза. Вздрогнула. Если она была актрисой, то актрисой талантливой. Она отпустила его руку. Слишком поспешно. Почти отталкивая от себя его руку.

– В другой раз погадаю, – улыбка у нее получилась вымученной.

– Сейчас, – упрямо возразил Чхеидзе.

– Не нужно, – было очевидно, что она смущена. Или немного растеряна.

Он достал из кармана две зеленые сотенные бумажки в евро. Протянул ей. Она покачала головой.

– Не нужно, – прошептала она, – ничего не нужно.

Он снова полез в карман и достал купюру в пятьсот евро. Это были очень большие деньги. Не убирая прежних двести, он протянул все три купюры цыганке.

– Скажи, – уже нервничая, твердо сказал Чхеидзе, – мне нужно знать, когда я снова здесь появлюсь. Я поэтому спустился вниз, чтобы у тебя все узнать. Если скажешь, что снова через двенадцать лет, я не стану заключать своего контракта. Скажи, что ты там увидела.

– Ты пожалеешь, – неожиданно произнесла она, – не все-

гда нужно знать заранее свою судьбу. Ты пожалеешь, что так настаивал.

– Говори, – он присоединил еще одну купюру в пятьсот евро и почти силой засунул ей деньги в руку.

Самойлов даже крикнул от досады. Он не успел остановить гостя и теперь переживал из-за того, что тот заплатил этой нищей аферистке такую крупную сумму денег.

– Хорошо, – она взяла деньги, спрятав их куда-то под куртку, затем подняла его руку, и еще десять или пятнадцать секунд рассматривала его ладонь. Затем медленно опустила его руку и мрачно изрекла:

– Сегодня не садись в машину на свое обычное место. Сядь впереди, так будет лучше. И ты проживешь еще два лишних дня.

– И все ради двух дней? – улыбнулся Давид Георгиевич. – Скажи лучше, когда я приеду снова в Москву?

– Никогда, – ответила она, глядя ему в глаза, – ты отсюда не уедешь. Тебя похоронят в этом городе.

– Хватит говорить глупости, – попытался вмешаться Самойлов, но Чхеидзе перехватил его руку.

– Говори дальше, – потребовал он.

– Тебя убьют через два дня, – сообщила цыганка, – и уже никто не в силах этому помешать. Даже если ты уедешь отсюда. Никто не сможет помешать.

– Заканчивай, – разозлился Самойлов, – что за чушь ты несешь. Получила свои деньги и убирайся. Зачем говоришь

такие глупости?

– Проверишь сегодня, – упрямо сказала цыганка, не обращая внимание на остальных, – спасибо тебе за деньги. И ты тоже не дергайся, – посоветовала она Самойлову, – я твою руку не смотрела. Но у тебя все на лице написано. Сначала все хорошо будет, в гору пойдешь, большим начальником станешь. А потом разоришься. Не по тебе это место. Не для тебя.

– Пошла ты... – уже не сдерживаясь, выругался Самойлов.

– Помни, что я сказала, – цыганка повернулась, чтобы уйти. Но Чхеидзе остановил ее.

– А изменить твоё предсказание можно? – глухо спросил он.

– Если сядешь не на своё место, то изменишь. На два дня, – уверенно сказала она, – и больше ничего изменить нельзя. А теперь прощай.

Она повернулась и Давид Георгиевич не успел больше ничего добавить. Он ошеломленно смотрел, как она исчезает где-то в проходе. Через несколько секунд он обернулся к Самойлову и, чуть запинаясь, спросил:

– Вы слышали, что именно она сказала?

ДЕНЬ ТРЕТИЙ. РЕАЛЬНОСТЬ

Вечером Дронго сидел в глубоком кресле, просматривая газеты. Он получал довольно много газет, в том числе на английском и итальянском языках. Некоторые сообщения он читал прямо в Интернете, обращая внимание на интересные статьи и заметки. В вечерней тишине раздался неожиданный телефонный звонок. Дронго поморщился. Это был городской телефон, по которому мог позвонить и незнакомый человек. Именно поэтому он обычно не отвечал на подобные звонки, а прослушивал автоответчик. Близкие знакомые и Джил обычно звонили на другой номер или на его мобильный телефон.

Раздались еще два телефонных звонка и затем включился автоответчик. Он прислушался. Кажется, незнакомый женский голос.

– Добрый вечер, – сказала позвонившая женщина, – очень жаль, что вас нет дома. Или тебя. Я даже не знаю, как в вам обращаться. Или к тебе. Прошло столько лет. Может, ты меня вспомнишь. Мы были с тобой знакомы двадцать лет назад, вместе отдыхали в Мангалии. Возможно даже, ты меня помнишь. Я Ирина, работала тогда журналистом. Прилетела тогда из Москвы. Ты можешь мне не поверить, но я иногда слышу о твоих успехах. Я с таким трудом нашла твой номер телефона. Говорят, что теперь тебя зовут совсем ина-

че. Какой-то смешной кличкой. Кажется, Драго или Дронго. Не знаю, почему тебя так называют. Но если тебе так нравится, значит, нужно тебя называть именно так. Я звоню тебе по очень важному делу. Мне очень нужна твоя помощь. Очень... Мне сказали, что ты часто не бываешь в Москве. Но я решила тебя позвонить. Дело срочное и важное, поэтому я и позвонила вечером. У меня совсем нет времени. Если ты получишь мое сообщение, то, пожалуйста, срочно перезвони мне. Извини, что все получилось так внезапно. Запиши мой номер, – она продиктовала номер своего телефона и попрощалась.

Телефон отключился. Дронго подошел к аппарату. Отдых в Мангалии. Так называлось это место на самом юге Румынии, где он действительно был в восемьдесят шестом году. Сколько лет с тех пор прошло? Больше двадцати? Он помнил эту поездку, помнил ее хорошо. Именно тогда в Констанце он нашел Алана Дершовица, который считался последним из «великих» киллеров, действовавших в период холодной войны. И тогда в Мангалии у него были несколько романтических встреч. В том числе и с молодой женщиной, которую звали Ирина. Да, он ее помнил. Она прилетела из Москвы, работала журналистом в каком-то журнале. Кажется, в «Дружбе народов». Он сейчас точно не вспомнит. Но ее он помнил хорошо. Как помнил и остальных. Помнил всех, с кем тогда познакомился. Из Румынии он переехал в Болгарию. Это была удивительная поездка, и ему было тогда толь-

ко двадцать семь лет.

Спустя столько лет она его нашла. Сколько раз они тогда встретились? Два или три раза. Три. Точно три раза. Сначала они поднялись к нему в номер днем, сразу после обеда. Потом вечером она пришла сама и осталась на всю ночь. А на вторую ночь? Там произошел какой-то инцидент. Нет, не с ней. С другой женщиной. Что-то смешное или обидное одновременно. А потом снова пришла Ирина. И утром она уехала в Бухарест. Это было больше двадцати лет назад. Как быстро пролетели годы. Он вздохнул. Нужно будет ее увидеть. А с другой стороны, немного страшно. Она могла измениться не в лучшую сторону. Впрочем, как и он сам. Тогда ему было двадцать семь. Сколько он тогда весил при его высоком росте? Восемьдесят два или восемьдесят три килограмма? Почти идеальный вес для его роста. Он был молодым и сильным. Через несколько лет он попытался противостоять даже самому Миуре, понимая, что у него нет ни единого шанса. Тогда все казалось таким понятным. А сколько он весит сейчас? Хотя он по-прежнему пытается сохранить свою форму. Но возраст так или иначе сказывается. И волос на голове стало меньше. Наверное он ее разочарует. А она его? Почему она позвонила? Что могло случиться?

Он протянул руку. Задумался. Возможно, потом он еще пожалеет об этом. Но сейчас нужно позвонить. Дронго поднял трубку телефона и набрал ее номер. Послышались телефонные гудки и ее голос.

– Добрый вечер, – сказал он.

– Здравствуйте, – она была явно удивлена телефонным звонком и только через секунду поняла, кто именно ей сразу перезвонил. – Это ты? Ты в Москве?

– Я услышал твой голос и решил сразу перезвонить, – сообщил он, – как у тебя дела? Как ты меня нашла? Спустия столько лет.

– Случайно, – призналась Ирина, – дело в том, что я примерно десять лет назад была в Лондоне, в то время нашла статью с описанием твоих приключений. Что-то насчет расследования в Дартфорде. И там была твоя фотография. Я еще тогда удивилась. А потом узнала, что это действительно ты. Только не поняла, почему тебя называют этой непонятной кличкой. В Москве тебя тоже некоторые знают.

– Спасибо. Теперь буду знать, насколько я популярен.

– Не скромничай. Ты очень популярен. Я поэтому тебе и позвонила. Один мой давний приятель прилетел из Швейцарии. Он гражданин Германии, но живет под Цюрихом. Очень известный бизнесмен. Раньше он жил в Москве, а потом переехал в Швейцарию. Мы с ним познакомились много лет назад, когда он оканчивал МВТУ. А потом он уехал в Новосибирск. Он очень хочет с тобой увидеться. Говорит, что исключительно важное дело.

– Как его зовут?

– Чхеидзе. Давид Георгиевич Чхеидзе. Он руководитель крупной инвестиционной компании в Швейцарии. Очень из-

вестный бизнесмен. Спонсировал несколько кинофильмов, построил большой жилой комплекс в Инсбруке. Сейчас собирается работать в Москве.

– Чхеидзе, – повторил Дронго, вспоминая свою встречу в Швейцарии. – Он давно прилетел в Москву?

– Только два дня назад. У него произошло столько событий, что он хочет срочно встретиться с тобой. Именно с тобой.

– Почему со мной?

– Он слышал про твои невероятные способности. И ему нужна твоя помощь.

– Ясно. Кто ему про меня рассказал?

– Точно не знаю. Но когда он спросил у меня, я тоже подтвердила, что знаю тебя. И начала срочно искать твой номер телефона. Ты даже не представляешь, как трудно было его найти...

– Это ты уже мне сказала. Когда он хочет со мной увидеться?

– Прямо сейчас, – ответила Ирина, – у него нет времени.

– Хорошо, – согласился Дронго, – пусть он мне сейчас перезвонит.

– Договорились. Спасибо тебе за помощь. Я думаю, что мы еще сможем с тобой увидеться. Завтра или послезавтра. Если ты захочешь.

– Обязательно, – несколько лицемерно согласился Дронго. Он подумал, во что она могла превратиться. Ведь прошло

больше двадцати лет. Тогда она была худой, красивой, подтянутой и молодой женщиной. Какой она стала теперь, даже страшно подумать. Ей должно быть сорок четыре. Или сорок пять. Некоторые женщины в таком возрасте сохраняют удивительную красоту. Некоторые стареют так, что становится страшно. И за себя в том числе...

Он положил трубку и стал ждать, когда ему позвонят. И почти сразу ему перезвонили. Словно Чхеидзе сидел у телефона и ждал звонка Ирины.

– Добрый вечер, – раздался неизвестный мужской голос. Дронго улыбнулся. Неистребимый грузинский акцент. Незаметный, но присутствующий. Он знал эту характерную особенность грузин, говоривших по-русски. Как бы идеально грузин не знал русский язык, если он начинал говорить на русском, то его акцент обязательно чувствовался, даже в случае его многолетнего проживания в России.

– Здравствуйте, с кем я говорю?

– Чхеидзе, – представился позвонивший, – Давид Георгиевич Чхеидзе. Вам звонила Ирина насчет меня...

– Правильно. Какое у вас ко мне дело?

– Я бы хотел срочно с вами увидеться.

– Никаких проблем. Мы можем увидеться завтра после двух.

– Нет, сегодня. У меня очень важное и срочное дело.

– Такое срочное, что его нельзя отложить на завтра?

– Нет, нельзя.

– Тогда приезжайте ко мне, – предложил Дронго.

– Так тоже не получится.

– Я не совсем вас понимаю.

– Мне нужно срочно с вами увидеться. Это очень важный вопрос. Поэтому я прошу вас приехать ко мне в отель. Я живу в «Национале», в центре города.

– Я знаю, где находится «Националь», – усмехнулся Дронго, – но вам не кажется, что это не совсем правильно, когда вы вызываете меня к себе. Если у вас ко мне важное дело, то будет правильно, если вы приедете ко мне. Поймите меня правильно, это не моя блажь и не мое тщеславие. В отеле, где вы живете, могут быть установлены различные подслушивающие устройства. Или наш разговор могут услышать другие люди. Я уже не говорю о том, что мой визит может быть зафиксирован в самом отеле.

– Это все уже не так важно, – перебил его Чхеидзе, – все, что вы говорите, уже совсем не важно. Мне нужно, чтобы вы срочно приехали ко мне. Прямо сейчас. Я готов оплатить ваши расходы на дорогу и время, которое вы потратите на меня. Назовите любую сумму, сейчас для меня она не так важна, как вы думаете.

– Договорились, – холодно согласился Дронго, – вы оплатите бензин моему водителю. Сейчас я вызову его и он отвезет меня на моей машине к вам. Туда и обратно мы потратим литров десять или пятнадцать. Умножьте на стоимость бензина в рублях и заплатите водителю. Согласны?

– Зачем вы меня оскорбляете? – обиделся Давид Георгиевич. – Неужели вы возьмете у меня эти двести или триста рублей?

– А вы считаете, что не оскорбляете меня, предлагая оплатить мне бензин? Я такой же кавказский мужчина, как и вы, Чхеидзе. Хотя вы сейчас стали гражданином Германии. Но корни у нас общие.

– Наверное, – согласился Чхеидзе, – извините, если я вас невольно обидел. Так вы приедете ко мне?

– У вас действительно такое важное дело?

– Вы даже не представляете, в какую глупую ситуацию я попал. И как я понял, только вы можете мне помочь.

– Хорошо, – согласился Дронго, – я приеду к вам через час. В каком номере вы остановились?

Услышав номер апартаментов, в которых остановился приехавший гость, он положил трубку и, достав мобильный телефон, вызвал своего водителя, чтобы поехать к знакомому отелю. Водить машину он не любил. В салоне автомобиля почти никогда не включали музыку или радио, чтобы не отвлекать его от размышлений. В машине он либо спал, либо думал, что требовало возможной тишины.

Направляясь к отелю по Тверской, он все время думал, в чем причина столь неожиданного вызова. В некоторых московских газетах указывали, что Чхеидзе прилетел для подписания договора с известной московской строительной компанией. Неужели ему нужна какая-то консультация? Нет,

для таких целей у него есть целый штат опытных юристов. Тогда зачем? Возможно, возникли какие-то неприятности, о которых он не может говорить по телефону? Но почему он не может приехать сам и все рассказать? Или ему угрожают и опасность так велика, что он не хочет выходить даже из номера своего отеля? Неужели у него нет обычной охраны? Ведь он не просто бизнесмен, а, судя по всему, человек, который имеет не одну сотню миллионов долларов. Обычно у таких бизнесменов есть и личная охрана, надежно отсекающая всех посторонних от тела своего шефа.

Нужно предполагать, что произошло нечто непредвиденное и срочное, если приехавший из Германии бизнесмен решил прибегнуть к помощи эксперта-аналитика. Самое поразительное в том, что, если опасность столь велика, то он может просто уехать. С германским паспортом и своими миллионами он может уехать в любую точку земли. Но он предпочитает оставаться в Москве и искать себе в помощь частного детектива. Почему? В чем загадка?

До отеля они доехали минут за тридцать. Им отчасти повезло, автомобильные пробки были не такими ужасными, какими они обычно бывали в этой части города по вечерам. Дронго вышел из салона автомобиля и вошел в отель. К нему сразу шагнула молодая женщина, одетая в строгий фиолетовый костюм. Он мгновенно оценил и безупречность покроя ее костюма, и легкий запах парфюма, исходивший от нее, уложенные волосы, легкий макияж, красивые голубые глаза,

ее фигуру. Ей было не более тридцати лет.

– Вы мистер Дронго? – спросила она почти утвердительно, возможно, Ирина описала ей гостя.

– Да, с кем имею честь?

– Лиана Каравайджева, – сообщила она, – я личный секретарь мистера Чхеидзе. Он просил меня вас встретить.

Дронго заметил, как на них внимательно смотрели еще двое мужчин с запоминающейся внешностью. Очевидно, это были телохранители приехавшего гостя. Вместе с Лианой он прошел к кабине лифта. Двое мужчин проводили их взглядами.

– Это наши люди, – пояснила Лиана уже в кабинет лифта, – мы наняли их для охраны.

– Разве ему что-то угрожает? – уточнил Дронго.

– Не знаю, – отвела глаза Лиана, – он сам вам все расскажет. Идемте за мной, пожалуйста.

Они вышли в коридор. Это был так называемый VIP-этаж, где находились аппараты, в которых остановился Чхеидзе. Рядом в двух номерах жили Лиана и его личный телохранитель, прилетевший с ним из Швейцарии. У его дверей на стульях сидели еще двое охранников. Увидев незнакомца, они поднялись со стульев.

– Это со мной, – пояснила Лиана.

– Извините, – возразил один из охранников, – у нас приказ. Мы обязаны обыскивать всех, кто заходит в этот номер. Всех, без исключения.

Лиана взглянула на Дронго, словно спрашивая его разрешения. Тот с веселым видом пожал плечами. Пусть обыскивают, если хотят. Оружия с собой он обычно не носит, и ничего запрещенного они не найдут. За спиной появились еще двое охранников. Очевидно, они ходили по коридору. Один из охранников подошел к Дронго и профессионально ловко и быстро его обыскал. Затем сделал шаг назад.

– Можете проходить, – кивнул он, разрешая войти в апартаменты, и открыл дверь.

Лиана фыркнула и прошла первой. Дронго вошел следом.

– Извините, – сказала ему секретарь, – но у наших охранников строгий приказ. Никого не пропускать. Никого кроме меня и Вебера.

– А это кто? – поинтересовался Дронго.

– Сейчас вы его увидите. Он находится в самом номере, дежурит в холле. Вебер прилетел с нами из Цюриха, и Давид Георгиевич доверяет ему как никому другому.

– И еще вам, – весело напомнил Дронго.

– Да. Я тоже прилетела из Швейцарии, – сухо кивнула Лиана.

– Вы болгарка?

– Верно. Но мать у меня наполовину украинка. Поэтому я знаю не только болгарский, а еще русский и украинский. Я имею в виду из славянских языков. Но у меня гражданство Швейцарии.

– Не сомневаюсь, – кивнул Дронго, он огляделся, – и где

ваш босс?

– Я здесь, – сказал Чхеидзе, входя в комнату вместе с мужчиной, который был такого же высокого роста, как и сам босс. По сломанным ушам Вебера было ясно, каким видом спорта он раньше занимался. Давид Георгиевич шагнул к ним и протянул руку гостю.

– Спасибо, что вы так быстро откликнулись на мое приглашение. Я хочу рассказать вам свою невероятную историю. Садитесь, пожалуйста, – он показал на стулья, стоявшие у большого стола.

С любопытством разглядывая Чхеидзе, Дронго уселся на стул. Тот уселся напротив. Лиана взглянула на них и невольно улыбнулась. Они были похожи друг на друга. Но в этот момент они сидели мрачные, словно готовясь к поединку. И первым начал говорить Чхеидзе.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. ВОСПОМИНАНИЯ

Они поднялись из перехода в сюит, который был заказан для Чхеидзе. Все вместе. Охранники прикрывали Чхеидзе так, словно в отеле их уже ждал наемный убийца. Они слышали слова цыганки и были встревожены не меньше самого гостя. Хотя и не очень поверили этой странной женщине. В кабину лифта они вошли впятером. Двое охранников, Самойлов, Вебер и сам Давид Георгиевич. В апартаментах их уже ждала Лиана. Она заметила выражение лица своего шефа.

– Что случилось? – спросила она.

Вместо ответа Чхеидзе уселся на стул и молча уставился в одну точку. Самойлов нервно пересек комнату и сел рядом с ним. Вебер остался в коридоре. Он все равно не понимал русского языка и не мог принять участие в их разговоре. Остальные четверо телохранителей остались за дверями номера. Двое в коридоре, двое спустились к автомобилям.

– Что у вас случилось? – снова спросила Лиана. – Какие-то неприятности? Вы не хотите подписывать контракт? Наши юристы его просмотрели несколько раз. И Лев Лазаревич уже предупрежден о вашем приезде. Вы не хотите с ними работать? Или что-то другое?

Чхеидзе по-прежнему молчал.

– Встретили одну полоумную цыганку, – пояснил Самойлов, – не нужно было туда спускаться. Она наговорила разных глупостей.

– Что она сказала? – Лиана видела, что ее босс явно не в себе. Таким он никогда не был.

– Сумасшедшая дура, – в сердцах пояснил Альберт Аркадьевич, – увидела, что подошел богатый мужчина с телохранителями, и начала лицедействовать, дала уговорить себя погадать за тысячу двести евро. Можете себе представить? За такие деньги можно было нанять целый цыганский хор на весь вечер. Такое ощущение, что она загипнотизировала Давида Георгиевича. Я пытался ему помешать, но он не разрешил мне вмешиваться...

– Что она ему сказала? – поинтересовалась Лиана.

– Что сегодня он попадет в атомобильную катастрофу, но с ним ничего не случится, если он сядет впереди. Представляете, какая аферистка. Любой водитель вам скажет, что впереди сидеть гораздо более опасно, чем на заднем сиденье. Тем более в бронированном «джипе». Такая глупость. И еще она сказала, что он проживет после этого только два дня. И никогда больше не вернется в Москву, так как через два дня его убьют. Вот и верь после этого гадалкам. Может спороть любую глупость, лишь бы ей заплатили деньги. И как натурально играла...

– Она не играла, – задумчиво перебил его Давид Георги-

евич.

– И вы верите этой полуграмотной гадалке? – изумилась Лиана. – Послушайте, Давид Георгиевич, вы же такой разумный человек. Я работаю у вас четыре года и не знала, что вы верите разным гадалкам, шаманам или астрологам. Вы действительно верите в ее предсказания? Она вас увидела и за несколько секунд сумела угадать ваше будущее? Но вы же сами всегда смеялись надо мной, когда я читала гороскопы. А теперь решили поверить в эту невежественную цыганку?

– Она однажды уже предсказала мне двенадцать лет невозвращения, – наконец выдал из себя Чхеидзе, – и оказалась права. Я не помнил об этом, но именно столько лет я не приезжал обратно в Москву...

– Обычное совпадение, – попыталась возразить Лиана.

– Возможно, – согласился Давид Георгиевич, – но очень неприятное совпадение. А вдруг и на этот раз она оказалась права? Или снова произойдет совпадение? Ты не считаешь, что я должен как-то предостеречься?

– Вы можете поехать впереди, раз вам так посоветовали, – улыбнулась Лиана, – но я бы на вашем месте принципиально поехала бы на своем обычном месте, наперекор судьбе.

– Правильно, – обрадовался Самойлов. Он видел, как подействовали слова предсказания цыганки на их гостя и всеми силами старался отвлечь его от мрачных мыслей.

– По-моему, более логично не садиться на свое место, а просто проверить слова этой женщины, – предложил Чхеид-

зе.

– Сделайте как вы хотите, – согласилась Лиана, – только не нужно об этом столько думать. Обычный бред цыганки, которая хотела получить больше денег.

– Может, это была не та цыганка? – вмешался Самойлов. – Вспомните, что вы сами назвали ее имя. Она только подтвердила, что ее зовут Виолеттой. Та старуха давно умерла, а это была совсем другая женщина, которая использовала ваше чувство ностальгии. И сыграла на этом. Мне она тоже нагадала карьерный рост. Сказала, что сначала у меня все будет хорошо, а потом плохо. Это все равно, что сказать: сначала ты будешь молодым и здоровым, а потом состаришься и умрешь. Не нужно им верить.

– Давайте закончим этот разговор, – предложил сам Чхеидзе, – ничего уже изменить нельзя. Я переоденусь, и мы поедем в ваш офис, посмотреть подготовленные договоры. Сколько у нас осталось времени?

– Еще полтора часа, – ответил Альберт Аркадьевич.

– В таком случае я пойду переодеваться. Вы можете подождать меня здесь. Лиана, когда ты будешь готова?

– Через полчаса, – ответила она, поднимаясь со стула.

– А я подожду внизу, в баре, – поднялся следом Самойлов. Они вышли из номера. Вебер взглянул на хозяина.

– Через полчаса мы поедем, – сказал по-немецки Чхеидзе, – можешь немного отдохнуть у себя в номере.

– Что-нибудь случилось? – осведомился Вебер. – Я ничего

не понял. Вы разговаривали с этой цыганкой, потом дали ей денег. Она что-то вам сказала?

– Ничего. Все нормально. Можешь отдохнуть. Не беспокойся. Через полчаса мы поедем. Будь готов к поездке.

Вебер кивнул и вышел, мягко закрыв за собой дверь. Давид Георгиевич повернулся и пошел в спальную комнату, где уже были приготовлены его костюмы. Он разделся, подошел к зеркалу, задумчиво посмотрел на себя. Неужели он ошибся? Или это действительно была совсем другая цыганка. Как могло так произойти, что она была на том же самом месте спустя двенадцать лет. Или подобных совпадений вообще не бывает. Самойлов прав. Ведь свое имя женщина ему так и не сказала. А только подтвердила, что ее действительно зовут Виолеттой. Какая глупость. Он – современный человек с высшим образованием, верит в такую чушь? Двенадцать лет – это просто совпадение. Он мог прилететь в Москву и пять лет назад, и три года назад, когда оформлял свою сделку с недвижимостью. Но тогда не прилетел. Почему он тогда не прилетел? Чхеидзе вспомнил события трехлетней давности. Тогда он заболел. Да, тогда он заболел. Простудился в Норвегии, куда они ездили кататься на лыжах. Он свалился, ударился, простудился. Врачи сказали, что у него были осложнения на почках и его вернули в Цюрих, где он и провел несколько месяцев в своем доме. Лиана тогда все время ухаживала за ним, лучше любой сиделки. Он в полной мере оценил тогда ее личные качества. В Москву он не приезжал,

но в Тбилиси он несколько раз летал. Четыре или пять раз. Тогда еще в Грузии правил Шеварднадзе. Потом пришел Саакашвили. Да, в Грузию он летал почти через каждый год. Выходит, цыганка была не совсем права. Он ведь возвращался, хотя и не в Москву. Формально Россия и Грузия уже два самостоятельных государства, но для него они по-прежнему были частями одного пространства, в котором прошли его детство и молодость.

Значит, такая судьба. Цыганка не могла знать про Норвегию, возможное падение, его осложнение. Но она точно сказала про двенадцать лет. А может, он путает. Может она тогда сказала двадцать? Нет, он не путает. Именно двенадцать лет. Она так ему и сказала. Это было в предпоследний день, когда он собирался уезжать. Он улетал в Германию, и все вещи были давно отправлены в Мюнхен, где он должен был оставаться на первых порах. Его тогда все время сопровождали трое сотрудников частной охраны. Они как раз проезжали мимо гостиницы «Москва», когда он неожиданно попросил остановить машину и спустился вниз. Никто не знал, что именно он замышляет, и он сам не предполагал, что будет внизу, в этом переходе. Поэтому никто не смог бы искусственно подстроить подобную ситуацию. Они спустились вниз, и он увидел цыганку. Когда-то старая цыганка в Тбилиси нагадала ему, что он поступит в московский институт, где готовят летунов. Она тогда и сказала «летунов». Позже он поступил в МВТУ имени Баумана, в котором действительно

учились многие космонавты. Но это могло быть совпадением. Однако цыганка в Тбилиси ему справедливо предсказала, что он поступит в институт. Хотя то предсказание можно было легко объяснить. Тбилисская цыганка обычно «дежурила» неподалеку от школы с математическим уклоном и могла знать, кто именно учится в этой школе. Поэтому предсказать успех одному из лучших выпускников школы было несложно.

Но двенадцать лет назад он сам спустился в переход и нашел уже Виолетту, которая предсказала ему долгое отсутствие. Он тогда еще улыбнулся, решив, что это очередной розыгрыш цыганки. И дал ей десять долларов. На следующий день он улетел в Германию.

Давид Георгиевич прошел в ванную комнату, чтобы умыться. Зачем он думает об этих глупых предсказаниях? Нужно успокоиться и забыть обо всем. Нужно просто успокоиться и не придавать значения словам цыганки. Он взял полотенце и вытер лицо. Пошел переодеваться, стараясь отогнать мрачные мысли. Через десять минут он был уже готов к выходу. Присев на стул, он поправил галстук. Сегодня ему совсем не нужны эти глупые сомнения. Он должен подписать очень крупный договор на инвестиции в московский строительный бизнес. Сумма очень большая даже для него. Чхеидзе вспомнил про свой договор. Юристы работали над ним более года. Нельзя было сегодня спускаться в этот переход. Нужно было отложить свидание с этой цыганкой на завтра.

Но кто мог подумать, что она скажет ему подобную новость.

Что ему делать? Прислушаться к словам цыганки и пересесть на другое место? О ее предсказании уже знают все. И Самойлов, и Лиана, и остальные телохранители. Как он будет выглядеть в их глазах, если вдруг решит поменять свое место? Как настоящий трус, который к тому же поверил в предсказание необразованной цыганки. В общем он будет выглядеть как трус и дурак. А если не поменяет? Если он решиться сесть на свое прежнее место? Что тогда? Тогда он может погибнуть. Но это в том случае, если он поверит в мистическое предсказание цыганки. Только в этом случае. У них «джип» с бронированными стеклами, которые выдерживают даже выстрелы из автомата. И рядом будет Вебер. И вторая машина. Нет, он просто обязан сесть на свое место. Хотя бы из принципа, чтобы доказать свое пренебрежение к предсказаниям цыганки. Он всегда был материалистом и агностиком, никогда не верил в потусторонние силы, в разные аномальные явления, в НЛО и прочую чепуху. А теперь выходит, что он поверил. И не нужно демонстрировать свое истинное отношение к словам цыганки перед Лианой и перед Самойловым, который наверняка расскажет всем остальным о его поведении.

Чхеидзе решительно поднялся. В конце концов он кавказский мужчина и не может позволить себе «потерять лицо». И не может выглядеть растерянным трусом или паникером перед всеми остальными. Какие деловые отношения у него

будут с московскими партнерами, если они узнают о его глупом поведении?

Они решат, что он либо дурак, либо трус. В обоих случаях это грозит большими финансовыми потерями. Нужно просто не обращать внимания на эти предсказания. Нужно показать всем, что он не верит в подобные глупые разговоры. Так будет правильно.

Он поправил галстук и пошел к выходу. Уже через несколько минут он спускался вниз в кабине лифта вместе с Лианой и Вебером. Охранник был молчалив и сосредоточен. Лиана испытывающе взглянула на своего босса.

– Как вы себя чувствуете?

– Неплохо. Во всяком случае немного успокоился. Не нужно было мне спускаться вниз.

– Это было ваше решение, – напомнила Лиана.

– Я не об этом. Нужно было спуститься туда одному. Или с Вебером. Чтобы остальные ничего не знали. Но теперь уже глупо сожалеть.

– Что вы решили?

– А как ты думаешь?

– Сядете на свое место, – уверенно сказала Лиана, – чтобы все видели, насколько вы безразличны к словам цыганки. И продемонстрируете всем свое отношение к мистике, чтобы Самойлов рассказал об этом сотрудникам своей компании.

– Молодец, – похвалил ее Чхеидзе, – мне иногда кажется, что ты знаешь меня даже немного лучше, чем я сам.

Внизу, в холле, их ждал Самойлов в сопровождении двух охранников.

– Нам уже звонили, – нетерпеливо сообщил Альберт Аркадьевич, – мы должны срочно ехать. Пойдемте.

Они подошли к автомобилям. Самойлов замер. Все остальные ждали, куда именно сядет гость. Только ничего не подозревающий Вебер, подошел к переднему сиденью и открыл дверцы заднего, ожидая, когда туда сядет его шеф. Лiana остановилась у другого автомобиля, ожидая, что сделает Чхеидзе. Тот улыбнулся ей и спокойно сел на свое прежнее место, на заднее сиденье, за Вебером. Тот захлопнул дверцу и уселся на переднее сиденье. Все охранники заулыбались. Им понравился поступок приехавшего гостя, не поверившего цыганке и демонстрирующего свое мужество. Самойлов уселся рядом.

– Быстрее, – приказал он, – по машинам, ребята.

Оба «джипа» повернули в сторону Тверской. Давид Георгиевич улыбался. Он подумал, что принял верное решение. Откуда ему было знать, что случится с ними уже сегодня вечером.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ. РЕАЛЬНОСТЬ

Вошедший в комнату Чхеидзе смотрел прямо в глаза Дронго. Он не мог не заметить, как они похожи. Чхеидзе был чуть ниже ростом и имел менее развитый плечевой пояс, но оба были неуловимо похожи друг на друга, как бывают иногда похожи двоюродные или троюродные братья. Они расположились на стульях, друг против друга. Вебер тактично вышел в коридор. Лиана взглянула на своего босса, ожидая его указаний. Тот, помедлив несколько секунд, кивнул ей, разрешая уйти. Она вышла следом, закрыв за собой дверь.

– Вы хотели меня видеть, – напомнил Дронго, – что у вас произошло?

Он видел заросшее щетиной лицо своего собеседника и его возбужденные глаза. Было понятно, что события последних дней так или иначе повлияли на самочувствие приехавшего гостя.

– Я даже не знаю, с чего начать, – вздохнул Чхеидзе, – столько всего случилось. Даже трудно сообразить. Нужно говорить по порядку, чтобы вы все поняли. Но как говорить, если я сам ничего не понимаю.

– Если вы будете говорить подобными загадками, то я тоже ничего не пойму, – заметил Дронго, – поэтому постарайтесь успокоиться и объяснить мне, зачем я вам так срочно

понадобился.

– Дело в том, что меня хотят убить, – сообщил Давид Георгиевич.

– Интересное заявление, – вежливо заметил Дронго, – кто и почему?

– Понятия не имею, кто и зачем меня хочет убить. И вообще кому я могу мешать.

– Тогда кто вам сообщил, что вас хотят убить?

– Цыганка в переходе под нашим отелем.

– Если эта шутка, то неудачная. А если ее к вам послали с этим известием, то выбрали явно неудачного связного.

– Я не шучу, – рассердился Чхеидзе, – я позвал вас не для того, чтобы шутить. Все очень серьезно, мистер Дронго. Так, кажется, вас называют.

– Именно так. Значит, вы спускаетесь в проход, и вдруг цыганка говорит вам, что вас убьют. И поэтому вы меня позвали? Вам не кажется, что все это несерьезно?

– Очень серьезно, – упрямо возразил Чхеидзе, – я постараюсь вас объяснить, а вы меня выслушайте. Дело в том, что я уехал отсюда двенадцать лет назад. У меня были некоторые неприятности и я решил покинуть Москву. Мой бизнес явно нервировал некоторых людей в этом городе. Все хотели прибрать его к рукам. Я был вице-президентом компании, когда убили нашего президента. потом положили бомбу в мой офис. К счастью, никто не пострадал. Мне даже показалось, что они сделали это намеренно. Ведь в шесть часов утра в

офисе гарантированно не бывает даже уборщиц.

Я решил не ждать следующих объяснений. Продал свой бизнес и перевел деньги в Германию. Но за день до выезда я был в этом переходе, вот здесь, внизу. И там встретил пожилую цыганку. Ее звали Виолетта. Она нагадала мне, что целых двенадцать лет я не смогу обратно вернуться. И все так получилось. Ровно двенадцать лет меня здесь не было. Я даже однажды уже взял билеты в Москву, но не сумел приехать. Сильно простудился в Норвегии, упал, ударился. И не смог прилететь в Москву. Вот так и прошли ровно двенадцать лет. Я об этом даже забыл. Но когда прилетел в Москву, вдруг все вспомнил. И решил снова спуститься в переход, ведь наш отель находится как раз здесь, рядом. И снова встретил эту цыганку. Можете себе представить?

– Не вижу ничего необычного, – ответил Дронго, – возможно, это профессионалка, которая работает на своем месте, специально закрепленном за нею. Вы же знаете, что у этих людей существует строгий порядок при распределении. Если она гадалка и ее место в центре города приносит прибыль, то она обязательно будет работать именно здесь. Хотя двенадцать лет срок необычно долгий, даже для гадалки-цыганки. Но в жизни все возможно...

– Я спросил, как ее зовут, и она мне не ответила. Тогда я сам назвал ей имя Виолетта, и она ответила, что ее именно так зовут...

– Вы допустили ошибку. Она могла откликнуться и на лю-

бое другое имя, которое вы назвали.

– Согласен, это была моя ошибка.

– Может, она и не Виолетта. И не та самая цыганка, с которой вы встречались двенадцать лет назад.

– Не знаю. Они все друг на друга похожи. В таком же цветастом платке. Полная. Чуть ниже среднего роста, говорит с сильным акцентом.

– Это не характерные признаки. Они все немного полноватые, среднего роста, одинаково одетые и разговаривающие с характерным цыганским напевом. Может, вы встретили уже другую женщину?

– Не знаю. Теперь я ни в чем не уверен...

– Что было дальше?

– Я подошел к ней и попросил погадать мне по руке. Она посмотрела на мою ладонь и явно испугалась. Или сделала вид, что испугалась. Потом попросила меня не садиться в машину на то место, где я всегда сижу. И сказала, что тогда я смогу выиграть еще два дня. А потом меня убьют.

– И вы поверили?

– Она не хотела мне ничего говорить. Я заплатил ей тысячу двести евро, чтобы она мне хоть что-то сказала. И тогда она выдала мне эту информацию.

– Вы много лет жили именно в Швейцарии?

– Нет. Еще в Германии, Италии. Несколько месяцев в году провожу в Лос-Анджелесе. Там у меня тоже небольшой дом.

– Понятно. И цыган в ваших краях вы, конечно, не виде-

ли?

– Разумеется, не видел. А почему вы спрашиваете?

– Дело в том, что для постороннего человека представители чужой этнической или расовой группы всегда на одно лицо. Если вы увидите несколько негров или китайцев, вы не сможете их отличить друг от друга. Они для вас все на одно лицо. А вот пятеро грузин будут для вас исключительно разными людьми. Хотя для среднего китайца или японца они все на одно лицо. Даже в Москве часто путают кавказцев, принимая всех за одну общую нацию. Вы ведь никогда не спутаете грузина с армянином или азербайджанцем?

– Это я и без вас понимаю, – кивнул Давид Георгиевич, – но дело не в самой цыганке. А в тех предсказаниях, которые она произнесла. Именно поэтому мне и нужно было с вами срочно встретиться. Я ведь достаточно разумный человек, мистер Дронго. И если бы не первое совпадение, я бы никогда не поверил в другие подобные совпадения. Это уже мистика, какая-то ненаучная чепуха, в которую человек достаточно трезвый верить просто не может. Но это как раз тот случай, когда я не могу не верить самому себе. И в обычные совпадения мне тоже трудно поверить. Может, действительно эта цыганка умеет предсказывать будущее. А может, она умеет читать по нашим ладоням. Ведь говорят, что весь опыт человеческой жизни запечатлен на отпечатках наших ладоней. Просто мы пока не научились их правильно читать. А цыгане умеют их не только читать, но и интерпретировать.

– Насколько я помню, вы оканчивали МВТУ имени Баумана? – неожиданно сказал Дронго.

– Да, – изумленно кивнул Чхеидзе, – откуда вы знаете?

– Читал вашу биографию. Мы однажды с вами встречались в Цюрихе, месяцев шесть назад. Я как раз обедал в «Долдер Гранд-отеле», когда вы появились там с шумной компанией. И не обратить на вас внимание было просто невозможно.

– Я вас не помню, – признался Давид Георгиевич.

– Рядом с вами была такая красивая итальянская актриса, что я бы очень удивился, если бы вы меня запомнили. Мы сидели в углу, стараясь не привлекать к себе внимание. А вы устроились так, чтобы смотреть на Альпы, прямо у окна.

– Верно. Мы там часто ужинаем. Вы тоже там часто оставались?

– Только один раз. Но дело не в этом. Я тогда обратил на вас внимание и ознакомился с вашей биографией. Человек, закончивший МВТУ и ставший мультимиллионером, не может верить гадалкам или предсказателям. Для этого вы слишком рациональны и прагматичны. Я вообще не встречал в своей жизни миллионеров, верящих гадалкам. Хотя я знаю, что есть политики, которые полагаются на астрологов.

– И вы тоже не верите? – спросил Чхеидзе.

– Не знаю. Если честно, то стараюсь не верить. Но лет пятнадцать назад у меня была очень интересная встреча с одним индийским предсказателем, до которого мне пришлось

добираться два дня. Он долго исследовал мои ладони, потом осмотрел ступни ног, мои глаза, мое тело. И затем объявил, что будет рассказывать мне мое прошлое. Можете не поверить, но он рассказывал мне такие вещи, о которых не знали даже мои родители. А потом он сказал: «Если кто-то захочет открыть тебе будущее, попроси его рассказать твое прошлое. Ведь прошлое увидеть гораздо легче, оно оставляет след и на твоём теле и в твоей душе». Вот он и рассказал мне прошлое. А потом начал рассказывать будущее. Много я запомнил...

– Ну и что?

– Почти все совпало, – невозмутимо ответил Дронго, – возможно, что это просто совпадения, но многое совпало в деталях. И хотя я по-прежнему не верю в мистику, остается признать, что есть нечто недоступное моему пониманию.

– Вот видите, – обрадовался Чхеидзе, – поэтому я тоже сначала не верил. Даже назло гадалке сел в машину на свое место, чтобы показать всем, насколько я не верю и не боюсь ее предсказаний.

– И ничего не произошло?

– Если бы, – вздохнул Давид Георгиевич, – тогда я не позвал бы вас к себе и не стал бы вам ничего рассказывать. Но все произошло так, как она сказала. Второе совпадение подряд. Вот что мне кажется почти невозможным. И если совпали два предсказания, почему бы не совпасть и третьему. Она предупредила меня, что я не смогу спастись, даже уехав отсюда. И дала мне еще два дня. Сегодня ночью вторые сут-

ки закончатся. И тогда кто-то должен сюда прийти и убить меня. Вы знаете, что ко мне не пускают сейчас никого. Даже еду и воду мне покупает Лиана, которой я доверяю. Либо она, либо Вебер. Но вторые сутки заканчиваются, и значит, у меня не остается никаких шансов. Я заказал на завтра билет, это напряженное ожидание может свести меня с ума. Думаю, что мне нужно просто улететь отсюда.

– И вы не хотите снова спуститься в переход и поговорить с этой цыганкой? Может, она скорректирует свои предсказания? – стараясь не иронизировать, спросил Дронго.

Чхеидзе нахмурился, словно уловив возможную насмешку.

– Нет, – сказал он, – я не могу ее найти. Мы уже обращались даже в милицию, нашли участкового. Я предложил тысячу долларов, чтобы ее нашли, но никто и никогда о ней не слышал. Хорошо еще, что ее видели вместе со мной еще несколько человек, в том числе и мой личный телохранитель. Она словно провалилась сквозь землю, куда-то туда, в метро или в комплекс под Манежной площадью.

– Подождите, – прервал его Дронго, – вы сказали, что сели на свое место. И судя по тому, как вы со мной разговариваете, с вами ничего не произошло. Тогда почему вы решили, что ее второе предсказание сбылось?

– Оно сбылось, – вздохнул Чхеидзе, – в том-то все и дело, что оно сбылось. Иначе я бы вас не позвал. Сейчас я вам все расскажу.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. ВОСПОМИНАНИЯ

Когда они наконец тронулись, Самойлов взглянул на сидевшего рядом с ним гостя.

– Вы правильно решили, – кивнул он, – не нужно верить разным гадалкам. Она может придумать такую историю, после которой вообще нужно вешаться. Поэтому самое верное, не обращать внимание на такие предсказания. И ничего страшного с нами не случится. Нас уже ждет Сергей Николаевич. Я ему позвонил и сказал, что мы скоро приедем. Наш офис находится на Остоженке, если не будет автомобильных пробок, то мы доедем довольно быстро.

– Я помню, – кивнул Чхеидзе, – вы ведь присылали мне факсы с изображением вашего здания на Остоженке. Я еще тогда обратил внимание на ваши проспекты.

– У нас уже все готово, – сообщил Самойлов, – сразу после подписания поедем в ресторан, обмывать наш новый договор. Мы долго выбирали, в какой ресторан лучше пойти. В грузинский ехать неудобно, вы лучше знаете свою кухню, в средиземноморскую тоже не хотели, вы ведь живете в Швейцарии. Решили выбрать наш ресторан с русской кухней. Поедем за город. В «Царскую охоту». Очень неплохой ресторан. Вы, наверно, о нем слышали.

– Слышал, – кивнул Давид Георгиевич, – но дело не в ресторане. Я думаю, нам нужно серьезно переговорить с руководством вашей компании. Мы ведь начинаем работу, рассчитанную сразу на несколько лет. Если все будет нормально, моя компания сможет инвестировать в ваш бизнес около ста миллионов долларов. А это очень большие деньги, во всяком случае для меня.

– Для нас тоже, – весело подтвердил Самойлов, – я только хотел узнать насчет ваших планов. У вас есть какие-нибудь пожелания или планы? Может вы хотите с кем-то увидеться? Куда-то поехать?

– Я уже увиделся со своей «старой знакомой», – улыбнулся Чхеидзе, – и ничего хорошего из этого не вышло. Нет. У меня нет никаких определенных планов. Конечно, хочется немного поездить по городу, посмотреть на размах вашего жилищного строительства. Но это можно сделать завтра. А сегодня я позвоню некоторым своим старым знакомым. Давно хочу с ними увидеться.

– Как хотите. Обе машины с охранниками будут в вашем распоряжении, – сообщил Самойлов, – если понадобится, мы найдем еще людей. Сколько нужно. Насчет этого не беспокойтесь. Завтра вечером у нас встреча с некоторыми нашими соинвесторами. Будут руководители двух крупных российских банков. Они тоже хотят с вами познакомиться.

– Хорошо, – кивнул Чхеидзе.

Потом ничего неожиданного не произошло, и он даже

немного успокоился, забыв о предсказании цыганки. Они приехали на Остоженку, где их ждал руководитель компании, с которым Чхеидзе был уже знаком. Сергей Николаевич Касаткин несколько раз прилетал к нему в Цюрих на переговоры. Касаткину было за пятьдесят и он работал еще в Управлении капитального строительства города Москвы до девяносто первого года. Это был опытный специалист, работавший в строительном бизнесе уже больше тридцати лет. Недоброжелатели уверяли, что у него были особые отношения с московским руководством, за счет чего он и получал лучшие земли под постройки своих зданий. И большие кредиты в российских банках.

В офисе Касаткина все было монументально и целесообразно, как и полагалось в компаниях такого профиля. В огромном кабинете уже все было готово для подписания необходимых документов, над которыми столько работали юристы с обеих сторон. Кроме самого Касаткина здесь были и представители юридических фирм, разрабатывающих договора об инвестициях. Со стороны Касаткина их представлял Халфин, а со стороны Чхеидзе Лев Лазаревич Файгельман, который работал с юристами из Германии и Швейцарии уже много лет. Файгельман и Халфин были похожи друг на друга. Оба среднего роста, упитанные, с мясистыми щеками, немного выпученными глазами и короткими руками. Оба считались лучшими юристами Москвы и давно знали друг друга. Поэтому последние согласования шли довольно быст-

ро, им не требовалось много времени, чтобы уточнять или согласовывать любой пункт, вызывающий у них разногласия. Они работали как два настоящих профессионала, уважающих друг друга. Оба знали, какие моменты нужно уточнять, какие нужно обходить, а на какие обращать внимание.

В кабинете было довольно много людей. Вместе с Файгельманом и Халфиным приехали их помощники. Кроме самого Касаткина здесь были еще двое других вице-президентов. Чхеидзе пришел не один. Он привел Лиану, которая просмотрела все документы. Вебер остался в приемной. Давид Георгиевич обратил внимание на девушку, которая помогала Касаткину готовить документы, передавала их Лиане, пытаясь явно услужить и понравиться гостю. Очевидно, она работала личным секретарем президента компании или была его помощником. Девушка была высокого роста, у нее были выступающие скулы, серые глаза, немного удлинённый нос с горбинкой, придававшей ей особое очарование, и пухлые губы. Волосы были выкрашены в своеобразный красный цвет и пострижены в каре. На ней был строгий деловой костюм, приталенный пиджак и юбка, заканчивающаяся гораздо выше колен, что очень выгодно подчеркивало ее длинные ноги. Чхеидзе даже подумал, что мог видеть эту девушку где-то в другом месте. На вид ей было лет двадцать пять, не больше. Он вспомнил, что уже двенадцать лет не был в Москве. Значит, когда он отсюда уезжал, она еще училась в школе и поэтому он не мог ее видеть ни при каких обстоятельствах.

Чхеидзе грустно улыбнулся. Он начинает забывать, что ему уже далеко за сорок. Девушка подошла к нему, и он почувствовал аромат ее парфюма. Определить было трудно, но он подумал, что ей подходит этот цветочный запах. У девочки хороший вкус и, видимо, неплохие гонорары, судя по ее часикам с бриллиантами. Он посмотрел на Касаткина. Наверное, она пользуется благосклонностью своего шефа. Впрочем, в этом нет ничего необычного. Ведь Лиана получает ровно в полтора раза больше, чем Магда, хотя последняя просто незаменима в работе. Но у Лианы сдержанная, европейская красота стильной деловой женщины. А у Тамары вызывающая сексуальная красота женщины-вамп. Он улыбнулся, обратив внимание, что Касаткин назвал ее Тамарой. И тихо осведомился у девушки:

– Вы давно здесь работаете?

– Уже второй год, – ответила она, улыбнувшись ему в ответ. Улыбка у нее была красивая.

– А в Швейцарии вы были? – он подумал, что Касаткин мог взять ее с собой на переговоры и, возможно, они виделись там, в Цюрихе. Или на каком-нибудь горнолыжном курорте.

– Нет, – ответила она очень тихо, бросив быстрый взгляд на своего босса, который в это время разговаривал с Самойловым, – никогда не была. Но с удовольствием бы приехала, – добавила она, облизнув свои губы.

– Договорились, – весело согласился Чхеидзе, – я остано-

вился в «Национале». Если у вас будет время, вы можете мне позвонить. Я живу... – он хотел назвать номер своих апартаментов, но она перебила его.

– Я знаю, – быстро сказала Тамара, – я сама заказывала вам эти апартаменты. Они вам понравились?

– Очень. Спасибо за вашу заботу.

Он заметил, как Лиана прислушивается к разговору, и повернулся к столу. Все было почти готово. Теперь следовало подписать документы. Сам процесс подписания занял не более десяти минут. Все было оформлено, и две девушки внесли подносы, на которых были бокалы с шампанским. Это был «Дон Периньон» пятьдесят шестого года. Касаткин решил выбрать именно этот напиток, чтобы подчеркнуть серьезность и важность их намерений. Чхеидзе, как и всякий грузин, любил хорошее вино и хорошее шампанское. Хотя за время учебы в Москве он не отказывался и от водки, а в Швейцарии пристрастился к выдержанному коньяку. Но шампанское ему понравилось. И все стало казаться не таким страшным, как им казалось раньше.

– Поедем в ресторан, – предложил Касаткин, – моя машина нас уже ждет. Идемте. Мы всех приглашаем. Для нас приготовили специальный ужин.

– Я не смогу, – виновато сказал Файгельман, – у меня повышенная кислотность. Извините меня.

– Я тоже не смогу, – сразу как эхо повторил Халфин.

– А у вас, наверно, язва? – рассмеялся Чхеидзе.

– Нет. Диабет. Я стараюсь есть в строго установленное время и не перехожу пока на уколы.

– Наши юристы нас бросили, – сказал Давид Георгиевич, обращаясь к своему партнеру, – может, с нами поедут хотя бы наши женщины?

– Конечно, поедут, – сразу ответил Касаткин, – Тамара, ты едешь с нами.

Чхеидзе улыбнулся. Его хитрость почти удалась. Они вышли из кабинета в сопровождении телохранителей и спустились вниз. Там уже стоял большой «БМВ» седьмой модели, принадлежавший Касаткину. Он стоял, обращенный на запад, левой стороной припаркованный к зданию фирмы. Касаткин показал на машину, Вебер открыл дверь. Чхеидзе уселся сразу за водителем. Сергей Николаевич обошел машину и сел рядом. На правое заднее сиденье. Чхеидзе подумал, что нужно поменяться из принципа, но решил не привлекать к себе внимание ненужными жестами. Иначе Самойлов подумает, что он до сих пор помнит предсказание этой цыганки. Вебер уселся на переднем сиденье. Все остальные разместились в других машинах. Давид Георгиевич заметил, что Тамара оказалась в одной машине вместе с Лианой, и подумал, что это очень некстати. Но изменить уже что-либо было невозможно. Колонна из пяти машин тронулась в путь.

– Она давно у вас работает? – поинтересовался Чхеидзе.

– Тамара? Только второй год. Толковая и умная девочка. Она юрист по профессии, получила диплом с отличием. Та-

кая целеустремленная и знающая себе цену девочка. Очень активная и напористая. Своего не упустит. Мы сначала взяли ее обычным стажером, но за год она стала моим личным секретарем. Все замечает, все запоминает. Отличная память. И знает несколько иностранных языков. В наше время молодые женщины думают только о том, как бы удачно выскочить замуж. А эта мечтает о карьере, – пояснил Касаткин.

Чхеидзе не стал спрашивать, спит ли она со своим шефом. Ему было неудобно. В конце концов Лиана тоже очень красивая женщина, но Касаткин не спрашивает его об их отношениях. И правильно делает.

– Она молодая, но с характером, – почему-то добавил Касаткин, – легко быть независимой и смелой, когда у тебя большие возможности. Но она молодец, твердо знает, что хочет, и уверенно идет к своей цели.

– Сейчас такая молодежь, – вежливо согласился Давид Георгиевич.

– Самойлов сказал мне, что вы успели пообщаться с какой-то цыганкой и она испортила вам сегодня настроение, – сообщил Сергей Николаевич. – Неужели вы можете верить этим гадалкам?

– Я не верю. Но иногда их предсказания сбываются.

– Случайные совпадения, – весело заметил Касаткин, – между прочим, если вам нравятся цыгане, мы можем пригласить их хор, чтобы для нас спели. Даже с живым медведем.

– Не нужно, – ответил Давид Георгиевич, – постараюсь

обойтись без них. Когда вы думаете начать строительство нового отеля?

– Через два месяца. Нужно согласовать все вопросы с московскими властями. Вы слышали, что произошло с гостиницей «Россия»?

– Слышал.

– Вот поэтому нужно все тщательно готовить. Но я думаю, что Халфин и Файгельман нас не подведут. Это большие специалисты своего дела. Они все оформят как полагается.

– Не сомневаюсь. Какой объем инвестиций вы полагаете привлечь для строительства отеля?

– Около двухсот миллионов долларов. Половину даете вы, половину выделяем мы. Или наши соинвесторы. Банки готовы участвовать в нашем проекте. Завтра у нас предстоит важная деловая встреча.

– Мне уже сказали...

Они продолжали разговаривать, когда машины выехали за город. И не заметили, как грузовик, внезапно оказавшийся перед ними, вдруг резко свернул в сторону. Очевидно, у водителя отказали тормоза, и он на полном ходу врезался в их автомобиль. Как раз в правую сторону, там, где должен был сидеть сам Давид Георгиевич Чхеидзе. Но вместо него там оказался Касаткин. Удар был такой силы, что машину словно подбросило. У Чхеидзе оказались разорванными брюки и пиджак. Он получил сильную травму ноги и правой руки. Больше всех досталось Касаткину. Удар был такой силы, что

он погиб почти мгновенно, и его обмякшее тело прижало гостя к левой задней дверце машины. Самое поразительное, что сидевшие впереди водитель и Вебер почти не пострадали. Удар пришелся на заднюю правую часть «БМВ». Чхеидзе почувствовал боль в правой ноге и застонал. Только не хватает, чтобы сломал себе ногу, подумал он с огорчением. Вокруг уже суеились люди, пытавшиеся вытащить его из покоренного автомобиля. Он повертел шеей и подумал, что ему повезло. Скосил глаза на неподвижное тело Касаткина. Голова его была разбита, вокруг проломленного виска чернела кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.